СООТНОШЕНИЕ ИСТИНЫ И ЛЖИ В АЛЛОФРОННЫХ ГЛОССЕМАХ

© Б. Т. Ганеев

Бакирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Россия, Республика Башкортостан, 450008 г. Уфа, ул. Октябрьской революции 3а.

Тел.: +7 (917) 756 23 49.

Email: bulgan2000@yandex.ru

В данной работе рассматривается проблема количественного соотношения степени истинности различных аллофронных глоссем, т.е. лексем и высказываний, для которых характерно наличие противоречий в отличие от грамматически правильных и строго логичных ортофронных глоссем. Первая часть работы представляет собой краткий обзор взглядов философов, логиков и лингвистов с древнейших времен до наших дней на проблему истинности и ложности. Во второй части работы на основе семантического треугольника анализируются 9 аллофронных прототипов: парадокс, отрицание, метафора, ирония, ничто, ложь, эрратив, фантизм, абсурд. Каждый компонент треугольника (знак, концепт, денотат) получает индекс /1/ или /0/ в зависимости от истинности и ложности. Максимальную сумму баллов (2.5) получили метафора, парадокс и ирония, четыре прототипа имеют по два балла, абсурд получил ноль баллов как совершенно неистинное явление.

Ключевые слова: истина, ложь, аллофрония, ортофрония, глоссема, корреспондентная теория истины, концепт, денотат, семантический треугольник, количественный анализ.

Данная работа посвящена количественному соотношению истины и лжи в аллофронных глоссемах.

Мыслители уже на заре науки пытались выявить сущность истины, которая представляет собой основу любой упорядоченной мыслительной деятельности, как теоретической, так и практической. Каждый крупный математик, логик и философ пытался решить эту задачу с переменным успехом. Сама природа слов делает почти неизбежным то, что значения многих из них вызывают сомнения и неуверенность в их истинном значении.

Протагор утверждал, что человек есть мера (критерий) всех вещей: существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют, т.е. «какими вещи являются мне, таковы они и суть для меня, а какими [они являются] тебе, таковы они для тебя». Для него все продукты воображения и все мнения истинны, и истина принадлежит к тому, что относительно (в отличие от Горгия, который полагал, что все ложно). Он первый сказал, что о всякой вещи есть два мнения, противоположных друг другу, а также, что все истинно [22]. Аристотель подверг этот взгляд критике: это есть «делать слабейшую речь сильнейшей». Ибо его дело есть ложь и не истина, но кажущееся правдоподобие, и место ему только в риторике и эристике [22]. Сам Аристотель создал классическую теорию истины (современное название – корреспондентная).

Подобно тому, как мысль то появляется в душе, не будучи истинной или ложной, то так, что она необходимо истинна или ложна, точно так же и в звукосочетаниях, ибо истинное и ложное имеются при связывании и разъединении. Имена же и глаголы сами по себе подобны мысли без связывания или разъединения, например, «человек» или «белое»; когда ничего не прибавляется, нет ни ложно-

го, ни истинного, хотя они и обозначают что-то: ведь и «козлоолень» что-то обозначает, но еще не истинно и не ложно, когда не прибавлен [глагол] «быть» или «не быть» – либо вообще, либо касательно времени [3]. Что же касается бытия как истины и небытия как ложного, то в одних случаях, если связывают (связанное на деле), имеется истинное, если же такого связывания нет, то – ложное, а в других случаях, когда имеется одно, если оно действительно сущее, оно есть только таким-то образом; если же оно таким-то образом не существует, и истина здесь в том, чтобы мыслить это сущее, а ложного здесь нет, как нет здесь и заблуждения, а есть лишь незнание» [4].

Мнение Аристотеля в разных интерпретациях поддерживали ученые средневековья, прежде всего теологи и схоласты, но ввели при этом понятие божественной, абсолютной истины, противостоящей земной истине или истинам. Августин уделял особое внимание проблеме истины и лжи: «Об истинной религии» [1], «О лжи».

Абсолютную истину обосновывал Боэций: «Божественная же субстанция есть форма без материи и потому она едина и есть то, что она есть. Ибо все остальные [вещи] не суть то, что они суть... Но вещь, не составленная из того и этого, вещь, которая есть только "вот это", поистине есть то, что она есть. Она прекраснее и могущественнее всех вещей, ибо не зависит ни от чего [другого]. Она подлинно едина и в ней нет никакого множества [numerus], ибо в ней нет ничего другого, кроме того, что она есть. Итак, в Боге нет никаких различий (diversitas), а значит, и никакой, из различий происходящей, множественности (pluralitas)» [7]. Ансельм Кентерберийский в своем диалоге «Об истине», кроме всего прочего, затронул проблему высказываний о существующих и несуществующих

вещах [2]. Фома Аквинский подчеркивал, что «истина высказывания может называться истиной вещи через причину: ибо речь называется ложной или истинной на основании того, есть вещь или не есть» [26].

Схоластики, исследовавшие проблему истины, следовали Аристотелю и Августину. В сжатом виде это выразил Гроссетест: «Также истина высказывания есть соответствие речи и вещи (*adequatio sermonis et rei*), Бог же не есть такое соответствие, поскольку указанного соответствия не было до того как [начали] существовать речь и вещь, тогда как Бог и высшая истина предшествовали и речи, и сотворенным вещам, обозначаемым речью. Итак, есть некая истина, не являющаяся высшей истиной. Также Августин говорит в книге «Монологи», что «истина есть то, что есть» (*veritas est quod est*). Отсюда следует, что сущность вещи есть ее истина. Но сущность никакого творения не есть высшая истина (*summa veritas*), которая есть Бог. Итак, есть некая истина, отличная от высшей истины» [11, с. 185]. «Более обычно для нас говорить об истине высказывающей речи. А эта истина, по словам Философа [т.е. Аристотеля], есть не что иное, как реальное бытие, обозначенное так, как высказывает слово, то есть, по выражению некоторых, истина есть «соответствие вещи и слова» и «соответствие вещи понятию» (*adaequationem rei ad intellectum*). Но поскольку более истинно то слово, которое находится внутри в молчании, чем то, которое звучит вовне, а именно, понятие, схваченное посредством звучащего слова, то скорее будет истиной соответствие вещи и внутреннего слова, чем внешнего ... [11, с. 185]. Гроссетест подчеркивает, что «истина следует из всего, даже из своей противоположности, т.к. ложное необходимо есть истинное ложное, то, равным образом, против правила логики, утверждение истины следует из всякого отрицания, и сверх того, истина следует из уничтожения самой себя, поскольку следует, если нет никакой истины, то ясно, что [если это истинно], истина есть, ведь истина есть то, что необходимо есть само по себе бытие» [11, с. 193].

В XVII в. Декарт подчеркивал важность проблемы истины для теории рационализма. «Ничего невозможно познать прежде, чем разум, т.к. от него зависит познание всего остального, а не наоборот; затем, постигнув все то, что непосредственно следует за познанием чистого разума, он среди прочего перечислит все другие орудия познания, какими мы обладаем, кроме разума; их окажется только два, а именно фантазия и чувство. Итак, он приложит все старание, чтобы различить и исследовать три этих способа познания, и, увидя, что истина и ложь в собственном смысле могут существовать не иначе, как лишь в разуме, но зачастую они ведут свое происхождение только от двух других способов, он постарается обратить внимание на все те вещи, которыми он может быть введен в заблуждение, с тем, чтобы остерегаться их» [13].

Нет классического мыслителя, который не уделял бы внимания проблеме истины и лжи.

Ф. Brentano в работе «О понятии истины» считал, что Кант сделал важный шаг вперед со времен Аристотеля. Истина, по Канту, есть то, что соотносится с правилом духа, а не то, что соотносится с предметом; ведь под предметом следует понимать не что-то иное, а именно это правило. Кроме того, по его мнению, истина находится не только в суждении, в мышлении, в равной мере она находится и во всех других сферах духовной деятельности: в волеии, в чувствовании, коль скоро они нормальны [8]. Он также полагал, что язык не только способствует нашей мыслительной деятельности, но и мешает ей.

Ницше даже уравнивал эти противоположные сущности мнением, что истина – полезная ложь, что «истина есть тот род заблуждения, без которого некоторый определенный род живых существ не мог бы жить». Кроме того, он подчеркивал, что существуют два рода истины, как и два вида систем ценностей, – истина для большинства, для простолюдинов, и истина для избранных, для сверхчеловека [20, т. 1].

... Самые ложные суждения (к которым относятся синтетические суждения *a priori*) – для нас самые необходимые, что без допущения логических фикций, без сравнения действительности с чисто вымышленным миром безусловного, самотождественного, без постоянного фальсифицирования мира посредством числа человек не мог бы жить, что отречение от ложных суждений было бы отречением от жизни, отрицанием жизни [20, т. 2, с. 243].

Для Ч. Пирса истина состоит в будущей полезности для наших целей [18], причем истина – это вера, не подверженная сомнению [22].

Рассел считал, что умы не создают истинности или ложности. Они создают веры, однако ум не может сделать их истинными или ложными. Истинной веру делает факт, и этот факт никоим образом (кроме как в исключительных случаях) не включает ума человека, который имеет веру [24, с. 103]. Большая часть из того, что принято считать знанием, не является ни знанием, ни ошибкой, но является более или менее вероятностным мнением [24, с. 108].

Довольно оригинальны взгляды Уайтхеда на сущность истины. По его мнению, истина есть соответствие видимости реальности. Это соответствие может быть большим или меньшим, а также прямым или косвенным [25, с. 643]. С другой стороны «то, что предложение интересно, более важно, нежели то, что оно истинно» [25, с. 646]. Он полагал также, что понятие красоты является более широким и фундаментальным понятием, чем понятие истины [25, с. 669].

Семантики и лингвисты второй половины XX в. продолжили анализ истинности высказываний.

М. Даммит исследовал зависимость значения предложения от условий его истинности [12]. Дж. Лайонз отметил два наблюдения: истинность пропозиции не зависит от изменений условий истинности; большинство предложений не имеет истинного значения [16]. Ч. У. Моррис дал анализ семантических правил и прагматического измерения семиозиса [19]. У. Эко подчеркивал, что семиологию интересует только левая сторона треугольника Огдена – Ричардса, а не наличие или отсутствие референта или его реальность или нереальность [28]. В сборнике французских лингвистов «Общая риторика» анализируются тропы и фигуры с точки зрения их отношения к действительности [21]. Р. Барт дал срез представлений о сосюровском знаке и его адекватности у разных авторов [5]. Куайн исследовал некоторые аспекты взаимоотношений языка и истины [14]. Когнитивистский подход к проблеме истинности и лжи отражен в работах Дж. Боллинджера «Истина – проблема лингвистическая» [6], Х. Вайриха «Лингвистика лжи», [9], Дж. Лакоффа, и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [17].

Как видно из предыдущего обзор, проблема истины и лжи трактуется во многих аспектах. Есть истина (и ложь) религиозная и научная, логическая и семантическая, социальная и бытовая, лингвистическая и экстралингвистическая. В русском языке часто противопоставляются синонимы «истина» и «правда». Что касается лжи, то в большинстве случаев (кроме намеренной лжи) целесообразно употреблять термин «не-истина» как антитезис к истине.

В данной работе истина и ложь рассматриваются как лингвистическое явление.

Язык – это Протей, который постоянно изменяется не только на протяжении всей истории его развития, но и переменяет свою ткань в своеобразном метаболизме в каждый синхронный момент, который представляет собой нераздельную тройку – «до», «сейчас», «после», т.е. любой из элементов тройки предполагает существование обязательного соседа. Поэтому лингвистика обречена в конечном счете на судьбу неточной науки, аналогично приблизительной по сути дела статистике, когда она имеет дело с живыми процессами, а не со стабильной номенклатурой. Представьте себе склад, где проходит инвентаризация: учетчик записывает и подсчитывает предметы хранения, а в это время перед его глазами (или за его спиной) работники склада постоянно и беспорядочно заносят или выносят разные товары, обрекая учетчика на неизбежные ошибки, учитывая и то обстоятельство, что он сам далеко не силен в арифметике. В итоге мы изучаем неточный язык, всегда пользуясь неточным метаязыком.

Однако истина в лингвистике все же существует, но с разной степенью ее полноты в различных языковых единицах. Степень этой наполненности

языковой единицы истинностным содержанием можно попытаться измерить количественно.

В этой статье за основу определения истины берется классическая (корреспондентная) теория истины. Дефляционная и когерентная теории [29] остаются за рамками этой работы.

В данной работе делается попытка классифицировать аллофронные глоссы (единицы языка от слова до высказывания) с разной степенью истинности.

Единицы любого языка (слова, словосочетания, предложения, тексты) можно отнести к двум основным группам, в зависимости от двух аспектов: их логичности и нелогичности, т.е. наличия или отсутствия противоречия.

Ортофрония – первая («логическая») разновидность (аспект) языка. Аллофрония – («алогичная») разновидность языка.

Термин «ортофрония» образован из греческих морфем орфо («правильный») и фронёω («думать, чувствовать»), а «аллофрония» – из морфем алло («другой») и фронёω («думать, чувствовать»).

Необходимость введения этих терминов вызвана тем, что другие понятия («логичное», «аффективное», «нелогичное», «алогичное») не выражают полностью сути этих двух разновидностей языка, поскольку в логичном рассуждении вполне естественны и допустимы аллофронные элементы, а в аффективном, алогичном рассуждении чаще всего преобладают ортофронные элементы языка.

Ортофрония не терпит не только противоречий, но и лжи, т.к. язык логики основан на истинности. Но истины в языке, а, следовательно, и чисто ортофронных элементов, не так уж и много. Большинство стилистических средств (метафора, парадокс, оксюморон, гипербола, метонимия, ирония и т.д.) аллофронны.

Для анализа возьмем три базовых стилистических средства – метафору, парадокс и иронию. Присоединим к ним такие аллофронные единицы, как ложь (в т.ч. ошибочная референция) и отрицание (в т.ч. ничто). Сюда же включим еще два вида глоссы. Один из них – эрратив и близкий ему графон [15], т.е. намеренное искажение глоссы, например, *аффтар*. Другой назовем словом *фантизм*, т.е. окказионализм, не имеющий узуального денотата, например, *бармаглот*, *глокая куздра*), или, иначе говоря, десигнат без денотата.

Рассмотрим эти девять основных типов аллофронных единиц с точки зрения соотношения истины и лжи. За основу анализа берется семантический треугольник Огдена – Ричардса [30], в котором каждой базовой аллофронной единице будет присваиваться индекс истины или лжи по каждому углу, представляющему соответственно знак (левый угол), понятие (верхний угол) и денотат (правый угол). Отличие от классического треугольника заключается в том, что углы треугольника могут заполняться не только лексемами, единичными

концептами и отдельными объектами, но и высказываниями, сложными концептами и ситуациями. В отличие от Г. Фреге [27] денотат предложения представлен не истинностью, а контекстом предложения.

Анализ производится не с конкретными глоссемами, а с прототипами глоссем, т.е. не конкретная, например, метафора, а обобщенная, идеальная метафора-прототип со своими типичными признаками.

Индекс /1/ присваивается компоненту глоссем с истинностным содержанием, а индекс /0/ присваивается компоненту глоссем с ложным содержанием. Показатель /1 + 0/ означает обе возможности.

В сводную таблицу ортофронное высказывание включено как антитеза аллофронии в качестве контрольного средства. Ортофронное высказывание (слово или фраза), например, *Земля вращается вокруг Солнца*, истинно в силу того, что мы признаем его грамматически правильным и осмысленным с точки зрения носителя русского языка, поэтому ему присваивается индекс /1/ по всем трем компонентам семантического треугольника.

Важное условие данного анализа: все глоссем рассматриваются в синхронии, т.к. в диахронном плане результаты изменятся. Например, в древние эпохи считалось, что Солнце вращается вокруг Земли, а столицей России одно время был Петербург, а не Москва.

В данной работе знак (глоссема) понимается как явный, эксплицитный материальный (звуковой или письменный) носитель информации, а не ментальная комбинация понятия и акустического образа по теории Ф. Соссюра.

В этом случае знак (символ) воспринимается как правильный (в орфографическом, произносительном, грамматическом плане) материальный знак, принимаемый и узнаваемый всеми членами языкового социума, и ему присваивается индекс /1/. Отсутствие истинности обозначается через /0/.

Очевидно, что индексы по содержанию качественно разнятся, что требует более подробного и точного анализа. Например, индекс /0/ у отрицания глоссем отличается от индекса /0/ частичным отрицанием знака у глоссем *эратива* или *фантизма*.

Соотношение истины и лжи в глоссемах

	Знак (глоссема)	Концепт (понятие)	Денотат (референт)	Сумма баллов
Ортофрония	1	1	1	3
Метафора	1	1 / 0	1	2.5
Ирония	1	1 / 0	1	2.5
Парадокс	1	1 / 0	1	2.5
Отрицание	0	1	1	2
Ничто	1	1	0	2
Ложь	1	1	0	2
Эратив	0	1	1	2
Фантизм	0	1	0	1
Абсурд	0	0	0	0

Парадокс акустически, орфографически и грамматически правилен, но двусмыслен: сталки-

ваются общепринятое и новое, требуется переосмысление. Происходит смещение к другому денотату. Пример: *Война – это мир*.

Метафора акустически, орфографически и грамматически правильна, но концепт двусмыслен, требуется переосмысление. Пример: *Женищина – цветок*.

Ирония акустически (но интонация!), орфографически и грамматически правильна, но концепт двусмыслен. Пример: *Какой ты умный!?*

Отрицание уже само по себе формально снимает денотат, но концепт ясен, а денотат – это все вне отрицаемого денотата. Пример: *Это не трубка*.

Ничто орфографически и грамматически правильно, концепт есть, но нет денотата. Пример: *Никто ничего не видит*.

Ложь орфографически и грамматически правильна, концепт есть, но разный у отправителя и получателя, денотата нет. Пример: *Николай II убил Сталина*.

Эратив акустически, орфографически и грамматически неправилен, но концепт и денотат присутствуют. Пример: *аффтэр жжжот*.

Фантизм акустически, орфографически неузнаваем, грамматически может быть правилен, концепт есть, десигнат есть, но денотат отсутствует. Пример: *глокая куздра*.

Абсурд акустически, орфографически или грамматически неправилен, концепт неясен, денотат отсутствует, например: *щымтм!ска л?о*.

Как мы видим, наиболее истинны метафора, ирония и парадокс. Пожалуй, метафоре принадлежит первое место, как наиболее приемлемой единице языка.

Данный анализ соотношения истины и лжи дает результаты в первом приближении. Некоторые трактовки истинности прототипов дискуссионны.

Возможны исследования степени истинности на других основаниях, например, при сравнительном анализе тропов и фигур.

С другой стороны, в самом лживом высказывании может быть истина в разной степени, начиная от истинных элементов в полностью лживом утверждении и кончая истиной в ложной упаковке, как например в иронии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Блаженный. Об истинной религии. Теологический трактат. Минск, Харвест, 2011. С. 658–708.
2. Ансельм Кентерберийский. Об истине / Сочинения. М.: Канон, 1995. С. 166–197.
3. Аристотель. Об истолковании / Сочинения в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 93.
4. Аристотель. Метафизика. / Сочинения в 4-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 250.
5. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против»: Сб. ст. М.: Прогресс, 1985. С. 14–163.
6. Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 23–43.
7. Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1990. С. 148.

8. Brentano Ф. Избранные работы / сост., пер. с нем. В. Анашвили. М.: ДОМ интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996.
9. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 44–87.
10. Ганеев Б. Т. Противоречия в языке и речи. Уфа: изд-во БГПУ, 2009. С. 122–126.
11. Гроссетест Роберт. Об истине // Избранное. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 179–203.
12. Даммит М. Что такое теория значения // Философия, логика, язык/ общ. ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 127–212.
13. Декарт Р. Соч. в 2-х тт. Т. 1 / пер. с лат. и франц. / сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. С. 102.
14. Куайн У. Язык и истина // Слово и объект. М.: Логос, Праксис, 2000. С. 7–24.
15. Кухаренко В. А. Практикум по стилистике английского языка//Seminars in Stylistics: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2011.
16. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс. М.: Эдиториал, 2004. С. 158.
17. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 126–172.
18. Мельвилл Ю. К. Чарлз Пирс и прагматизм. М.: изд-во МГУ, 1968. С. 451.
19. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: Сб. переводов / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1982. С. 37–89.
20. Ницше Ф. Сочинения в 2-х тт. М.: Мысль, 1990.
21. Общая риторика / пер. с фр. Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др.; общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. М.: Прогресс, 1986.
22. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. С. 306–307.
23. Протагор. Антология мировой философии в 4-х тт. Т. 1. Философия древности и средневековья. Ч. 1. М.: Мысль, 1968. С. 316–318.
24. Рассел Б. Проблемы философии. 12. Истинность и ложность // Избранные труды. Новосибирск: Сиб. ун-в. изд-во, 2007. С. 103–108.
25. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1985. С. 643.
26. Фома Аквинский. Соч. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 203.
27. Фреге Г. Логика и логическая семантика // О смысле и значении: Сб. трудов / пер. с нем. Б. В. Бирюкова; под ред. З. А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.
28. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 1986. С. 64.
29. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/truth/>
30. Richards I. A and Ogden C. K. The Meaning of Meaning // C. K. Ogden & Linguistics (London: Routledge/Thoemmes Press, 1995).

Поступила в редакцию 18.12.2020 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.1.32

TRUTH AND FALSEHOOD IN ALLOPHRONIC GLOSSEMES

© B. T. Ganeev

*Bashkir State Pedagogical University n. a. M. Akmulla
3a Oktyabrskoi Revolyutsii Street, 450008 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

*Phone: +7 (917) 756 23 49.**Email: bulgan2000@yandex.ru*

The article is devoted to problem of quantitative correlation of the degree of truth in various allophronic glossemes, i.e. lexemes and utterances that are characterized by presence of contradictions unlike grammatically correct but strictly logical orthophronic glossemes. Orthophrony is the logical aspect of language and allophrony is illogical and contradictory aspect of language. The first part is the brief overview of opinions of philosophers, logicians, and linguists on the problem of truth and falsehood from ancient times up to the present. Aristoteles, Augustine of Hippo, Anselm of Canterbury, and R. Grossetest propounded the classical correspondence theory of truth. Later contributions were made by classical German philosophers, then by F. Brentano, F. Nietzsche, Ch. Pierce, B. Russel, and J. Whitehead. Among linguists, one can name M. Dammit, T. Bollinger, H. Weinrich, J. Lakoff, and M. Johnson. In the second part of the paper, nine allophronic prototypes are analyzed on the basis of the semantic triangle. These are metaphor, paradox, irony, negation, nothingness, falsehood, cacography (deliberate distortion of a glosseme), phantism (neologism with non-existent denotatum), and absurdity (in form and content). Each component of the triangle (sign, concept, denotatum) gets an index /1/ or /0/ depending on the truth and falsehood. The maximal sum of points (2.5) went to metaphor, paradox, and irony. Four prototypes have two points each, absurdity gets no points for complete lack of truth. This estimate is rather rough and a more detailed analysis may deliver more accurate results.

Keywords: truth, falsehood, allophrony, orthophrony, glosseme, correspondence theory of truth, concept, denotatum, semantic triangle, quantitative analysis.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Augustine of Hippo. Ob istinnoi religii. Teologicheskii traktat [Of true religion. Theological treatise]. Minsk, Kharvest, 2011. Pp. 658–708.
2. Ansel'm Kenterberiiskii. Ob istine / Sochineniya. Moscow: Kanon, 1995. Pp. 166–197.
3. Aristotle. Ob istolkovanii / Sochineniya v 4-kh tt. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1978. Pp. 93.
4. Aristotle. Metafizika. / Sochineniya v 4-kh tt. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1975. Pp. 250.
5. Bart R. Osnovy semiologii. Strukturalizm: «za» i «protiv»: Sb. st. Moscow: Progress, 1985. Pp. 14–163.
6. Bolindzher D. Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya. Moscow: Progress, 1987. Pp. 23–43.
7. Boethius. «Uteshenie filosofiei» i drugie traktaty [“The consolation of philosophy” and other treatises]. Moscow: Nauka, 1990. Pp. 148.
8. Brentano F. Izbrannye raboty [Selected works]. Comp., per. s nem. V. Anashvili. Moscow: DOM intellektual'noi knigi, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996.
9. Vainrukh Kh. Lingvistika lzhi. Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya. Moscow: Progress, 1987. Pp. 44–87.
10. Ganeev B. T. Protivorechiya v yazyke i rechi [Contradictions in language and speech]. Ufa: izd-vo BGPU, 2009. Pp. 122–126.
11. Grosseteste Robert. Ob istine. Izbrannoe. Moscow: Editorial URSS, 2003. Pp. 179–203.
12. Dummett M. Filosofiya, logika, yazyk/ obshch. red. D. P. Gorskogo i V. V. Petrova. Moscow: Progress, 1987. Pp. 127–212.
13. Descartes R. Soch. v 2-kh tt. [Works in 2 volumes]. Vol. 1 / per. s lat. i frants.. Comp., red., vstup. st. V. V. Sokolova. Moscow: Mysl', 1989. Pp. 102.
14. Kuain U. Yazyk i istina. Slovo i ob"ekt. Moscow: Logos, Praxis, 2000. Pp. 7–24.
15. Kukharensko V. A. Seminars in Stylistics: uchebnoe posobie. Moscow: Flinta: Nauka, 2011.
16. Lyons J. Yazyk i lingvistika. Vvodnyi kurs [Language and linguistics. Introductory course]. Moscow: Editorial, 2004. Pp. 158.
17. Lakoff G., Johnson M. Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya. Moscow: Progress, 1987. Pp. 126–172.
18. Mel'vil' Yu. K. Charlz Pirs i pragmatizm [Charles Pierce and pragmatism]. Moscow: izd-vo MGU, 1968. Pp. 451.
19. Morris Ch. U. Semiotika: Sb. perevodov. Ed. Yu. S. Stepanova. Moscow: Raduga, 1982. Pp. 37–89.
20. Nietzsche F. Sochineniya v 2-kh tt. [Works in 2 volumes]. Moscow: Mysl', 1990.
21. Obshchaya ritorika [General rhetoric] / per. s fr. Zh. Dyubua, F. Pir, A. Trinon i dr.; Obshch. red. i vstup. st. A. K. Avelicheva. Moscow: Progress, 1986.

-
22. Pierce Ch. S. Izbrannye filosofskie proizvedeniya [Selected philosophical works]. Moscow: Logos, 2000. Pp. 306–307.
 23. Protagoras. Antologiya mirovoi filosofii v 4-kh tt. Vol. 1. Filosofiya drevnosti i srednevekov'ya. Pt. 1 [Anthology of world philosophy in 4 volumes. Vol. 1. Philosophy of Antiquity and the Middle Ages. Pt. 1]. Moscow: Mysl', 1968. Pp. 316–318.
 24. Russell B. Izbrannye trudy. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo, 2007. Pp. 103–108.
 25. Whitehead A. N. Izbrannye raboty po filosofii [Selected works on philosophy]. Moscow: Progress, 1985. Pp. 643.
 26. Thomas Aquinas. Soch. [Works]. Moscow: Editorial URSS, 2002. Pp. 203.
 27. Frege G. O smysle i znachenii: Sb. trudov / per. s nem. B. V. Biryukova; pod red. 3. A. Kuzichevoi. Moscow: Aspekt Press, 2000. Pp. 230–246.
 28. Eco U. Ot-sut-stvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu [Missing structure. Introduction to semiology]. Saint Petersburg: Simpozium, 1986. Pp. 64.
 29. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/truth/>
 30. Richards I. A. and Ogden C. K. C. K. Ogden & Linguistics (London: Routledge/Thoemmes Press, 1995).

Received 18.12.2020.